

Борис Васильев

РОССИЙСКИЙ СТАТУС КВО.

Азартное, беспощадное к отсталым народам промышленное кипение Европы после открытия Нового Света в считанные десятилетия изменили лик Средневековья. Церковь, оставив Крестовые походы, борьбу с еретиками и охоту за ведьмами, ринулась крестить огнем и мечом вновь открытые земли. Сеньоры возглавили конкисту, а вчерашний дремучий обыватель оказался рабочим, мастером на верфях или моряком. И всем стало не до поисков врагов и уж тем паче не до мечтаний о Гробе Господнем: день делал деньги, и европейцы очень быстро это усвоили. Настолько, что даже вековая ненависть к евреям отошла в сферу бытового антисемитизма, а недоверие к иным народам сменилось деловыми отношениями, поскольку морские перекрестки оказались общими для всех.

Любопытно изменение отношения к евреям. Средневековый антисемитизм сложился не только вследствие церковного науськивания, но и как реакция на нишу, которую евреи были вынуждены занимать: им запрещалось приобретать земельную собственность. А средневековый город, где практически вся деятельность давным давно была поделена между цеховыми организациями граждан, предоставлял крайне ограниченный выбор. В основном, это была мелкая торговля, музыкально-исполнительские профессии, овощеводство на арендованных огородах, ростовщичество и медицина, которая была невозможна без домашнего изготовления лекарств. Промышленная революция востребовала ростовщический капитал, переводчиков и секретарей, лекарства, квашеные и маринованные овощи и, наконец, корабельных медиков, которыми и стали готовые к этой деятельности евреи. Все эти занятия оказались нужными и важными, и вековая религиозная ненависть отошла на второй план вместе с недоверием к людям иного менталитета.

В России действовали те же ограничения по отношению к евреям, что и в Европе, только - в иных масштабах (гетто было заменено чертой оседлости). Евреи, известные со времен Киевской Руси, занимали те же профессиональные ниши и, к примеру, во времена Ивана Третьего проживали в Зарядьи, где им было разрешено построить две синагоги. Они занимались медицинской, аптекарской и торговой деятельностью, привлекались в качестве переводчиков в Посольский приказ при условии принятия православия, и вписывались в систему, никому не мешая. В России вообще не существовало официального понятия национальности, поскольку его вполне

заменяло вероисповедание, которое легко можно было изменить. И множество евреев крестились, желая получить образование или преуспеть на службе, и - преуспевали, получая не только высокие должности и ордена, но и потомственное дворянство, а то и графское достоинство. Наши предки не обращали внимания на форму носа, требуя лишь неукоснительного исполнения долга. И когда я слышу лозунги о приоритете - нет, не ума и способностей! - а всего лишь "пропорционального представительства" во властных структурах, передо мною возникают бессмертные "Иваны, непомнящие родства своего".

Советская власть чудовищно снизила уровень культуры, которого достигла Россия к началу этого века, следствием чего стали все беды, обрушившиеся на нас. Отсутствие стратегического мышления во власти, беззащитное казнокрадство, мздоимство, воровство, бандитизм, коррупция в органах управления, неуважение к гражданам собственной страны, убийства и насилия, беспомощность юстиции, являвшейся когда-то гордостью России, и прочая, и прочая. В истории Руси не было случая, чтобы генерал в ранге Его высокопревосходительства обещал лично расстрелять негодных ему евреев, а если бы и нашелся такой, его ожидало немедленное увольнение из армии без мундира и пенсии, а двери всех гостиных, салонов и клубов навсегда закрылись бы перед ним: Россия берегла свою честь, как зеницу ока. Но кто знает сейчас, что такое честь, кроме считанных стариков, получивших разъяснение на сей счет еще во младенчестве?!

Смрадом глубокого Средневековья веет сегодня от нашей страны. Налицо все приметы: звериный антисемитизм, упоение собственной расовой исключительностью, поиск врагов, приоритет церковных ритуалов над истинной верой во Христа, новые поиски Беловодья с молочными реками в киевских берегах, кичливо презрительное отношение ко всем "лицам неславянской национальности", вера в экстрасенсов, в магию, в чудеса, дремучее историческое невежество... Государственная Дума не осуждает думца-антисемита, но с энтузиазмом принимает решение о восстановлении идола чрезвычайщины "с холодными руками". До подобного провала собственного достоинства Россия еще не опускалась.

А с другой стороны - откуда советскому человеку что-либо знать? Ему, представителю униженного изнасилованного народа лепили образы кукловоды, сверху дергая за ниточки, и он послушно дергался, куда велят. Долгое время наши газеты изображали закордонных врагов исключительно с золотыми зубами, а потом выяснилось, что усеянный золотом рот - наша привилегия вкупе с огромным животом и выпученными глазами. Мы последними словами поносили Пастернака и Солженицына, не прочитав не единой строки. И сейчас готовы повторить ту же холуйскую акцию по любому поводу: вспомните скандал с фильмом Скорсезе "Последнее искушение Христа". Мы и сегодня предлагаем вернуть каторгу, плохо представляя себе, что это такое и почему все цивилизованные страны

отказались от нее. Мы и сегодня предлагаем публично повесить парочку-другую евреев, не представляя себе, что для всего цивилизованного мира первыми в этих петлях закачаются Эйнштейн и Фрейд, Маркс и Спиноза, Чарли Чаплин и Марк Шагал вкупе с самим Иисусом Христом и Девой Марией. Но полифония мышления, обеспечивающая анализ причин и перспективу их последствий возникает только при условии мощного культурного фундамента под ногами. Иного человеку просто не дано.

А глубина культурного фундамента наших избранников легко просматривается на телеэкранах, звучит в эфире и отчетливо видна в газетных интервью. И они это прекрасно понимают, почему и требуют введения цензуры в СМИ едва ли не ежедневно. Нет бы собственным культурным багажом озаботиться...

Один пример. Высшей формой геноцида является иго. Из ныне сущих народов его испытали армяне, греки, болгары. Если сравнить общие черты, можно вывести основные приметы ига: 1. Террор по отношению к поработенному народу; 2. поголовное уничтожение его дворянства; 3. Яростная борьба с религией, которую исповедуют поработенные народы.

Если приложить эти выводы к биографиям народов, то выяснится любопытное явление: все эти три неперемных условия ига, как высшей формы геноцида, полностью укладываются в историю нашего Отечества: террор, уничтожение дворянства, озверелая борьба с церковью. Да, мы существовали в условиях жесточайшего коммунистического ига. Давайте же хоть раз официально признаем это даже не ради исторической правды, а ради детей, которых зазывают в "светлое вчера" современные страннички, соблазняя дешевой колбасой и гарантированным куском хлеба. А заодно и объясним детям нашим, что личная свобода человека есть наивысшая ценность уже потому, что она зримо демонстрирует выход из Средневековья.

Почти знакомая картина, неправда ли? И, увы, генетически закрепленная в памяти советского человека. Советская власть очень любила слово "экспроприация", прикрывая им любой грабеж как в городе, так и на селе. Еще до Октябрьского переворота деревня начала "экспроприировать" сначала - помещичьи земли, а затем и помещичьи именья. Большевики одобряли это, о чем не стеснялись признаваться даже в художественных фильмах. Гражданская война и окончательное крушение правопорядка развязало руки всем, охочим до чужого добра. У крестьян отбирали зерно и скот, на города накладывались контрибуции, не считая захвата домов под штабы и жилье - это, так сказать, грабеж официальный. А неофициально как красные, так и белые, уж не говоря о зеленых, брали все, что представляло хоть какую-то ценность.

Именно тогда были разворованы бесценные семейные коллекции наград и оружия, орденов и памятных подарков, картин, гравюр, миниатюр, фарфора и хрусталя, не говоря уж об архивах, веками скопленных в провинциальных "дворянских гнездах" и заботливо передаваемых из

поколения в поколение. И никто никогда не озаботился ни их возвращением хотя бы в музей, ни наказанием - пусть чисто символическим! - самих расхиителей.

Эта "забывчивость" власти и породила стойкое убеждение, что победителей в этой стране и вправду не судят. Поэтому когда закончилась гражданская война, победители спокойно и хладнокровно продолжали грабить уцелевшее население.

О раскулачивании деревни известно широко, но куда менее известно о раскулачивании города. Оно не было столь поголовным, почему и осуществлялось Чека без прикрытия Комитетов бедноты. "Буржуев" – ими чаще всего оказывалась потомственная русская интеллигенция – обходили по спискам, предлагая добровольно сдавать ценности: золото, украшения, столовое серебро. Если хозяева отказывались, тут же приступали к повальному обыску, где по карманам рассовывалось то, что не попадало в перечень изымаемого: случаи наказания работников Чека за присвоение чужого имущества являются всего лишь легендой. Повальные обыски с отъемом имущества вплоть до одежды, посуды, мебели и предметов быта проводились "в помощь голодающим", о чем можно судить хотя бы по аукционам, на которых продавалось экспроприированное у "буржуев".

Начавшиеся вскорости массовые аресты с неременной конфискацией имущества арестованных продолжили этот легальный грабеж. В Москве существовал закрытый комиссионный магазин, где по спецпропускам можно было приобрести все, что угодно: от китайских ваз до поношенного кожаного пальто. И - покупали.